

Глава 13. Завтра была война

*А если к нам ползет враг упорный,
Он будет бит повсюду и везде.
Тогда нажмут водители стартеры,
И по полям, по сопкам, по воде,
Гремя огнем, сверкая блеском стали,
Пойдут машины в яростный поход,
Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин,
И первый маршал в бой нас поведет.
Из песни предвоенных лет*

Индустриализация для обороны

*«На заботу Партии и Правительства о
нас, ЗЭКах, ответим стахановским трудом»
Лозунг, висевший в одном из лагерей Магадана*

В 1928 году на всю промышленность Советского Союза приходилось только 30% экономики страны; остальные 70% — сельское хозяйство, которое при НЭПе было частной собственностью крестьян. Государство получало с него только небольшой налог и, соответственно, не имело почти никаких средств, чтобы развивать промышленность. В декабре 1927 г. нарком по военным и морским делам К. Е. Ворошилов докладывал: *«70,5% чугуна, 81% стали и 76% проката по сравнению с довоенным уровнем — это, конечно, недостаточно для нужд широко развивающегося хозяйства и обороны... Алюминия, этого необходимого металла для военного дела, мы у себя совсем не производим... Цинка и свинца, весьма ценных и необходимых металлов для военного дела, мы вывозим из-за границы в семь раз больше, чем производим у себя в стране. Даже меди, которой у нас бесконечное множество в недрах, мы ввозим 50% по сравнению с тем, что производим в стране».* Нарком признавал, что СССР отстает по производству танков не только от передовых стран Запада, но и от Польши. Говоря о состоянии оборонной промышленности, он сообщал, что на ее предприятиях господствуют *«архаические порядки времен Ивана Калиты»* и *«когда их видишь, берет оторопь».*

Вооруженные силы были очень слабы и вооружены тем, что осталось от царской армии — винтовками образца 1893 года. Не было совсем ни авиации, ни танков, ни заводов для их производства. К началу 1929 года на вооружении Красной Армии насчитывалось около 26 тысяч станковых пулеметов, 7 тысяч орудий разных калибров, 200 танков и броневиков, 1000 самолетов старой конструкции, главным образом времен первой мировой войны — меньше, чем у Польши, Финляндии и трех прибалтийских государств.

Сталин понимал, что опасность нависла не только над страной, но и над ним лично. В одной из своих речей в феврале 1931 года он сказал: *«Сейчас, когда мы сбросили капитализм, и власть принадлежит нам, у нас есть Отечество, и мы будем защищать его независимость. Готовы ли вы к тому, чтобы социалистическое Отечество было разбито и потеряло свою независимость?»*

Если вы не хотите этого, то должны в кратчайшее время ликвидировать отставание и развить большевистские темпы строительства социалистической экономики. Мы отстаем от развитых стран на пятьдесят — сто лет. Мы должны наверстать это за десять лет. Или мы сделаем это, или нас сомнут!»

План индустриализации во 2-й пятилетке был «с военным уклоном»: оборонная промышленность развивалась в 2,5 раза быстрее остальных отраслей. Строились почти исключительно те фабрики и заводы, на которых производилось оружие; расширяли постройку тракторных заводов, которые впоследствии могли быть переналажены на выпуск танков и тягачей для армии. Особое внимание обращалось на совершенствование танков, артиллерийских систем и самолетов. Вдоль всей западной границы начали строить укрепленную полосу длиной в полторы тысячи километров. Армия была увеличена больше чем вдвое. В 1939 году на вооружении уже было 18 тысяч танков и 20 тысяч самолетов.

В 1938 году численность Советских Вооруженных Сил составила 4,2 миллиона человек: людей было достаточно. Хуже было с автотранспортом. Советская промышленность могла, и то с трудом, дать не более 50% нужных для армии грузовиков и легковых машин. Совсем плохо было с продовольствием. Для армии продовольствия хватало, но снабжение населения отодвигалось на второй план. Для подвоза снабжения к западной границе не хватало железных дорог. Поэтому армейские склады располагались ближе к западной границе, что, как вскоре выяснилось, было большой стратегической ошибкой наступательной доктрины.

Сталин в начале 30-х годов вполне реалистично оценивал возможный срок начала войны — 1941 год. В первую очередь нужно было подготовить армию к отражению нападения со стороны Германии. Он спешно создавал тяжелую промышленность и увеличивал военную мощь государства, заставив народ пойти на крайние лишения и жертвы. За 12 лет сталинских пятилеток ценой невероятных усилий и тяжелых жертв сделано почти невозможное. К началу войны в СССР завершено создание нового танка Т-34 и развернулось его массовое производство. В 1940 г. проведены первые испытания реактивных минометных установок, впоследствии названных «катюшами». В 1939—1941 гг. на вооружение стали поступать самозарядные винтовки Токарева, станковые пулеметы Дегтярева, автоматы Шпагина (ППШ). К 1941 г. налажено производство новых видов полковых пушек, минометов, гаубиц, приняты на вооружение и стали поступать в авиационные части современные самолеты: бомбардировщики Ил-2 и Пе-2, истребители Лаг-3 и Миг-3.

Но нельзя забывать об уничтожении инженеров, в том числе иностранных специалистов, о той атмосфере шпиономании и всеобщей подозрительности, которую Сталин неизменно нагнетал. Часто проекты создавались в ГУЛАГовских «шарашках», а налаживание производства на заводах страдало от чехарды в руководстве вследствие арестов по доносам. Напряженные усилия советских людей не увенчались созданием вооруженного потенциала, адекватного тому, который был в распоряжении гитлеровской Германии. То ли по причине «немецкой аккуратности», то ли из-за бережного отношения к специалистам, но немецкая военная промышленность была создана в такой же короткий срок.

Разумеется, репрессии в промышленности не обошли стороной военно-промышленный комплекс, больно ударив по производству военной техники и

специалистам, ее создававшим. Для примера расскажем один типичный случай о судьбе самолета, созданного созданный в конструкторском бюро А. С. Москалева. Этот самолет, сконструированный в 1937 г. для испытаний, перелетел из Москвы в Красноярск, установив мировой рекорд беспосадочного перелета — 4000 км за 19 часов 50 минут. Прежний мировой рекорд, принадлежавший американцам, составлял 2800 км, а рекорд самолета Москалева будет побит ими же только через 12 лет, в 1949-м. Самолет испытывал Н. Д. Фиксон; он же должен был лететь в официальный рекордный полет. Однако идеологические руководители не могли допустить, чтобы всенародная слава вместе с орденами и званиями досталась человеку с такой нерусской фамилией. Фиксона отстраняют, не допуская даже на место второго пилота. Назначают Гусарова и Глебова. Они и подняли в воздух 23 сентября 1937 года самолет, провозжаемый главным конструктором Москалевым, который вспоминает:

«Самолет поднялся в воздух, и тут из простительной задумчивости меня вывел противный скрип тормозов. Рядом со мной остановилась «Эмка», из нее выскочили двое молодых людей в гражданских пальто, накинутых на явно военную форму:

— Где самолет?

Показываю на черточку над горизонтом.

— Немедленно посадить!

— Рации у летчиков нет, да и сажать машину с полными баками опасно. А в чем, собственно, дело?

— А вы кто?

— А вы кто?

Словом, доверенные товарищи опоздали. Им, оказалось, было предписано остановить полет по причине неблагонадежности летчика Гусарова. Опоздав всего минут на пять, они строго предупредили:

— Если что, вам будет плохо!»

Хотя полет прошел успешно, ни славы, ни наград, ни серийного изготовления самолета-рекордсмена, закупать который хотели даже французы, не последовало. Все дело в том, что представление к награде подписал тогдашний нарком тяжелой промышленности М. Л. Рухимович, который был арестован всего через несколько дней и расстрелян, как «враг народа». Как это ни странно, представленных им конструктора и летчиков не арестовали, но о производстве самолетов, рекомендованных «врагом народа», не могло быть и речи. Рухимовича реабилитировали посмертно в 1956-м, но тогда уже летали другие самолеты.

Позже Сталин поведал посланцу Рузвельта Гарри Гопкинсу о том, что он рассчитывал оттянуть начало войны до 1942 г., то есть до завершения третьей пятилетки. Действительно, к концу 1942 г. советская промышленность, несмотря на урон, нанесенный ей войной, смогла обеспечить Красную Армию необходимым вооружением, и по многим его видам советская армия сравнялась с вермахтом. В ноябре 1942 г., то есть к началу Сталинградской битвы, в действующей Красной Армии имелось 3254 боевых самолета (против 3500 у немцев), 6956 танков и САУ (против 6600 у противника), 77 734 орудий и минометов (против 70 тысяч у врага). Хотя значительного перевеса Красная Армия еще не достигла и к этому сроку, но перелом в войне начался, как только отставание в вооружениях было преодолено.

Но к 22 июня 1941 г. против 3500 быстроходных и укрепленных танков вермахта Красная Армия смогла выставить лишь 1475 танков Т-34 и КВ. Основную часть танковых частей составляли устаревшие БТ. При этом 29% из них нуждались в капитальном ремонте, 44% — в среднем ремонте. В отличие от водителей германских танков, приобретших опыт управления машинами в боевых условиях, среди советских танкистов преобладали новички, едва освоившие управление могучими машинами. Мечты создателей фильма «Трактористы», в котором сельские механизаторы превращались в квалифицированных танкистов, были далеки от воплощения. Подавляющее большинство советских механиков-водителей к началу войны имели всего лишь полутора-двухчасовую практику вождения танков. Боевые качества германских самолетов были выше советских. Более 80% советских самолетов уступали германским по дальности, скорости, высоте полета и бомбовой нагрузке. Не хватало орудий наземной артиллерии. Особенно мало было противотанковых орудий. Созданные накануне войны первые противотанковые ружья, эффективные в борьбе против легких и средних танков, армия не успела получить к 22 июня. Медленно поступали в войска ручные и станковые пулеметы. По числу пулеметов Красная Армия превосходила германскую, но в армии практически не было автоматов, бывших на вооружении у немцев.

Даже то вооружение, которое имелось у советских войск, было бездарно утрачено, зачастую не успев сделать и выстрела в первые недели войны.

Генеральские репетиции

Япония щупает крепость наших границ

В 1931 году совершенно неожиданно Япония заняла Маньчжурию. Это стало большим ударом для Советов. Пока в Маньчжурии воевали между собой китайские генералы, причин для беспокойства не было. Теперь же военная обстановка резко изменилась: на южном берегу Амура стояли японские войска, а по северному берегу проходила Амурская железная дорога, связывавшая советское Приморье, города Владивосток и Хабаровск с остальной Сибирью и Европой. До этого по Амуру стояло пять слабых советских дивизий. Теперь же там нужны были армия, флот, береговая оборона и новые пути сообщения, способные противостоять японской агрессии. Напряженность между странами росла. Советские войска спешно перебрасывались на Восток. Начали претворяться в жизнь планы развития промышленности на Дальнем Востоке. Сталин следовал политике нейтралитета, отказываясь сотрудничать с Англией и Соединенными Штатами против Японии. Он старался не делать ничего такого, что могло спровоцировать войну с Японией.

И все же на Дальнем Востоке запахло порохом. В июле 1938-го в районе озера Хасан японцы захватили две советских высоты. Командующий Дальневосточным военным округом маршал В. Блюхер получил от Сталина приказ немедленно выбить захватчиков. Блюхер хотел тщательно подготовиться, дожидаться благоприятной погоды для авиации, но Сталин требовал немедленных действий. В результате у сопки погибли свыше 2,5 тысяч советских солдат против менее 1, 5 тысяч японцев. Блюхера отозвали в Москву, где он как председатель военного суда приговорил к расстрелу Тухачевского вместе с девятью высшими военачальниками

Красной Армии. Вскоре после этого герой гражданской войны, орденосец, маршал Василий Блюхер сам был арестован и погиб под пытками на Лубянке.

В мае 1939 года Япония предприняла несколько провокационных вылазок на границе Монгольской Народной Республики, но в районе Халхин-Гола японо-маньчжурские войска были разбиты частями Красной Армии. Японская армия насчитывала 38 тысяч солдат и офицеров, 135 танков и 250 самолетов. Забайкальский фронт, выдвинутый против японцев, вместе с монгольской армией под командованием Чойболсана, превосходил противника вдвое по численности войск и самолетов, втрое по количеству танков. К концу августа японцы потерпели поражение и были отброшены вглубь Монголии, но потери наших войск оказались весьма значительными, несмотря на численный перевес.

Звание Героев Советского Союза получили: командующий войсками Григорий Штерн, комкор Георгий Жуков и командующий авиацией Яков Смушкевич. Судьбы их сложились по-разному. Героя Испании Г. Штерна, участвовавшего в войне с испанскими и немецкими фашистами, вернувшегося в Москву в мае 1938 года, назначили командующим Дальневосточным военным округом вместо Блюхера. После Халхин-Гола он участвовал в финской войне, затем его снова направили на Дальний Восток. В апреле 1941 года после ареста по «делу авиаторов» большинства авиационных начальников Штерна назначили начальником управления противовоздушной обороны. Его арестовали в ночь на 22 июля 1941 года, в день немецкого вторжения. Репрессивный аппарат Берия работал независимо от положения на фронте: 9 генералов и 16 других офицеров, полуживых от пыток, отправили, в связи с продвижением немцев к Москве, в Куйбышевскую тюрьму, где их расстреляли в самые критические для Москвы дни — 18 октября 1941 года. Смушкевича расстреляли еще раньше.

Раздел Польши, захват прибалтийских республик

Первого сентября 1939 года гитлеровские войска напали на Польшу. Польские войска безуспешно сражались за Варшаву. По договоренности, отраженной в секретном протоколе с Германией, 17 сентября советские войска перешли границу Польши и заняли Западную Украину и Западную Белоруссию. Главнокомандующий польской армией маршал Рыдз-Смиглы, поскольку он знал о существовании договора о ненападении и взаимопомощи между Польшей и СССР, а вошедшие войска не стреляли по полякам, сначала решил, что Красная Армия идет защищать Польшу от агрессора. Его ошибка выяснилась к полудню того же дня. Он приказал войскам отходить в сторону Венгрии и Румынии, не оказывая сопротивления, чтобы «избежать бесцельного пролития крови в боях с большевиками и сохранить то, что еще возможно спасти».

Между тем под Гродно и Шацком завязались тяжелые бои между польской армией и немцами. Осажденный польский гарнизон Брестской крепости отбил атаки Гудериана, затем прорвал кольцо окружения... И тут наткнулся на механизированный корпус генерала Еременко, который перешел границу Польши. Сопротивление поляков подавили артиллерия и танки Красной Армии. В то же время к Львову, где польская армия, поддержанная жителями города, успешно отбивала атаки вермахта, подошли войска маршала Тимошенко с 600 танками. Вермахт пропустил «союзников» через свои боевые порядки, и они пошли на

штурм Львова. Польский командующий генерал Лангнер решил сдаться русским. По условиям капитуляции СССР гарантировало польским военным личную свободу, неприкосновенность имущества и возможность выехать в третью страну. Однако вскоре НКВД репрессировал большинство офицеров. Последним актом сопротивления поляков был прорыв группы генерала Андерса, которая уничтожила два пехотных полка РККА, но Тимошенко ввел в бой танки, и поляки сдались в плен.

Поскольку война с Польшей не была объявлена, захваченные польские офицеры не могли считаться военнопленными. Однако Сталин и Берия имели на этот счет свои соображения. Солдат, в конце концов, отпустили, а офицеров собрали в лагерях, в основном под Катынью.

Народный комиссариат внутренних дел

Сов. Секретно

№ 794/Б от 5.III.40 г. г. Москва

ЦК ВКП(б) товарищу Сталину

В лагерях для военнопленных НКВД СССР и в тюрьмах западной области Украины и Белоруссии в настоящее время содержится большое количество бывших офицеров польской армии, бывших работников польской полиции и разведывательных органов, членов польских националистических контрреволюционных партий, участников вскрытых контрреволюционных повстанческих организаций, перебежчиков и др. Все они являются заклятыми врагами советской власти, преисполненными ненависти к советскому строю. Военнопленные офицеры и полицейские, находясь в лагерях, ведут антисоветскую агитацию. Каждый из них только и ждет освобождения, чтобы иметь возможность активно включиться в борьбу против советской власти. Органами НКВД в западных областях Украины и Белоруссии вскрыт ряд повстанческих контрреволюционных организаций. Во всех этих организациях активную руководящую роль играли бывшие офицеры бывшей польской армии, бывшие полицейские и жандармы. Среди задержанных перебежчиков и нарушителей госграницы также выявлено значительное число лиц, которые являются участниками контрреволюционных шпионских и повстанческих организаций.

В лагерях для военнопленных содержится всего (не считая солдат и унтер-офицерского состава) 14 736 бывших офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, жандармов, тюремщиков, посадников и разведчиков — по национальности свыше 97% поляки. Из них:

— Генералов, полковников и подполковников — 295. Майоров и капитанов — 2080. Поручиков, подпоручиков и хорунжих — 6049. Офицеров и младших командиров полиции, пограничной охраны и жандармерии — 1030 кадровых полицейских, жандармов, тюремщиков и разведчиков — 5138; чиновников, помещиков, ксендзов и посадников — 144.

В тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии всего содержится 18 632 арестованных (из них 10 685 поляки), в том числе:

— Бывших офицеров — 1207; бывших полицейских, разведчиков и жандармов — 5141; шпионов и диверсантов — 347; бывших помещиков, фабрикантов и чиновников — 465; членов различных к-р и повстанческих организаций и разного к-р элемента — 5345; перебежчиков — 6127.

Исходя из того, что все они являются закоренелыми, неисправимыми врагами советской власти, НКВД СССР считает необходимым:

I. Предложить НКВД СССР:

1) дела о находящихся в лагерях военнопленных 14 700 человек бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, посадников и тюремщиков,

2) а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11 000 человек членов различных к-р шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков

— рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания — расстрела.

II. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения в следующем порядке:

а) на лиц, находящихся в лагерях военнопленных — по справкам, представляемым Управлением по делам военнопленных НКВД СССР,

б) на лиц арестованных — по справкам из дел, представляемых НКВД УССР и НКВД БССР.

III. Рассмотрение дел и вынесение решения возложить на тройку, в составе тт. Меркулова, ~~Берия~~, Кобулова и Баиштакова (начальник 1-го Спецотдела НКВД СССР)

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР (Л. Берия)

Подлежит возврату в течение 24 часов во 2-ю часть Особого Сектора ЦК

Вскоре всех их окружили войска НКВД и зверски расстреляли. В Катынской трагедии долго не признавались, доказывая, что тысячи найденных под Катынью трупов — дело рук немцев. Но, в конце концов, уже в 90-х годах страшная правда открылась.

Легкие успехи Гитлера на Западе весной и летом 1940 года потребовали срочной подготовки СССР к активной обороне от агрессии, возможность которой возрастала с каждым месяцем. Особенно потрясли русских поражение Франции и вступление немецких войск в Париж. Обеспокоенный развитием событий, Сталин подписал с немцами договор о дружбе, к которому был приложен секретный протокол, деливший Польшу и Прибалтику между договаривающимися сторонами. По этому договору после падения Польши СССР осуществил оккупацию прибалтийских государств и заставил Румынию отдать Бессарабию и Буковину. В сентябре-октябре 1939-го подписаны договоры с Эстонией, Латвией и Литвой о взаимопомощи, по которым на их территории размещены гарнизоны РККА. Летом 1940 года эти государства приняли ультимативные «предложения» вступить в СССР. Вступление в СССР для граждан Западной Украины, Западной Белоруссии, Литвы, Латвии и Эстонии завершилось волной репрессий и отправкой в ГУЛАГ тысяч неповинных людей, подозреваемых в «шпионаже», несогласии с социализмом, принадлежности к классово-чуждым элементам.

Финская кампания

Из выступления И. В. Сталина на совещании начальствующего состава РККА 17 апреля 1940 года:

Нельзя ли было обойтись без войны? Мне кажется, что нельзя было. Невозможно было обойтись без войны. Война была необходима, так как мирные переговоры с Финляндией не дали результатов, а безопасность Ленинграда надо было обеспечить безусловно, ибо его безопасность есть безопасность нашего Отечества. Не только потому, что Ленинград представляет процентов 30—35 оборонной промышленности нашей страны, и, стало быть, от целостности и сохранности Ленинграда зависит судьба нашей страны, но и потому, что Ленинград есть вторая столица нашей страны. Прорваться к Ленинграду, занять его и образовать там, скажем, буржуазное правительство, белогвардейское — это значит дать довольно серьезную базу для гражданской войны внутри страны против Советской власти.

Финляндия отказывалась предоставить СССР в аренду территории вдоль северного побережья залива и полуостров Ханко. 26 ноября 1939 специальная команда НКВД с провокационной целью обстреляла из орудия расположение советской армии у финской границы, убив четырех и ранив восемь человек. Была направлена комиссия, заключение которой позволило объявить Финляндии войну, которая началась 30 ноября. На жилые кварталы Хельсинки и других городов Финляндии сбросили зажигательные бомбы. Это обошлось потерей 20% бомбардировщиков. Финны отказались от бомбежки Ленинграда, хотя против них задействовали 2500 самолетов, сбросивших на Финляндию 150 тыс. бомб. Против маленькой Финляндии было брошено 45 дивизий — около 1 млн. человек, 3000 танков.

1 декабря в захваченном городе Териоки (Зеленогорск) сформировано марионеточное финское правительство во главе с коминтерновцем Отто Куусиненом, с которым и заключили соглашение. Однако ожидаемого выступления финского рабочего класса против старого «ненавистного» правительства Финляндии не произошло. В ответ на наглую провокацию финны, включая коммунистов, встали на защиту маленькой страны.

Красная Армия оказалась плохо приспособленной к зимним боям. Стояли сорокаградусные морозы. Маневры войск ограничивал глубокий снежный покров. «Линия Маннергейма», представлявшая собой нагромождение гранитных глыб и деревьев с сотней дотов, оказалась неприступной для танков, а пехоту, не имевшую опыта северных боев, финны сумели блокировать на узком Карельском перешейке. Бездарное командование Северо-западного фронта (командарм Семен Тимошенко) дивизию за дивизией гнало «в лоб» на линию Маннергейма, и финны буквально косили их пулеметами. Взаимодействие с артиллерией, танками и авиацией не было организовано. Корабли Балтийского флота подрывались на минах и рвали корпуса о льды Финского залива. Проворные финские лыжники с автоматами и снайперы в белых масках навели ужас на неприспособленных, плохо одетых советских солдат с винтовками. Несколько частей советских войск были окружены в лесах и разгромлены. Потери были огромны.

Григорий Штерн, отозванный с Дальнего Востока, небольшой группой войск сумел прорваться в глубину финской обороны на 100 км. Он предложил план

выхода к Хельсинки через лесной массив в обход линии Маннергейма. Однако план Штерна не приняли; у него просто отобрали лучшие дивизии и бросили их на линию Маннергейма.

Сталин видел слабые стороны своей армии, но приказал провести массированное наступление. Ценой огромных потерь линия Маннергейма была, наконец, прорвана. Восьмого марта финны запросили мира, и через четыре дня в Москве был подписан мирный договор. Эта пиррова победа не научила оставшееся руководство Красной Армии военному искусству — стратегия лобового удара, вперед по трупам своих, так и осталась в основе победных маршей следующей войны.

Финны потеряли 23 542 человека убитыми и 43 501 ранеными. Советские потери никто не считал столь скрупулезно — по разным источникам они составляют 340 или 540 тысяч. Еще одна потеря — престиж Советского Союза и его армии. Топорно сработанные провокации НКВД, успех которых был обеспечен «при внутреннем употреблении», никого не убедили на международном уровне. СССР как агрессора исключили из Лиги Наций, мировое общественное мнение было на стороне маленькой Финляндии, на ее стороне сражались шведские и норвежские добровольцы, Великобритания собиралась послать войска на помощь ей через территорию Норвегии.

После финской кампании Сталин снял Ворошилова с поста наркома обороны и назначил наркомом Тимошенко. Всех командиров обязали изучать современное военное искусство. Приняли новые военные уставы. На должность начальника Генерального штаба назначили Мерецкова, которого через несколько месяцев сменил Жуков, хорошо зарекомендовавший себя в боях на Халхин-Голе в 1939 году. Но все это не сказалось на общей военной доктрине СССР.

Репетиции на театре военных действий не улучшили обстановку. Репрессии на аннексированных западных территориях продемонстрировали всему миру коварство и антигуманный характер сталинского режима. Главным отрицательным результатом стало доказательство слабости Красной Армии, неопытности и военной неподготовленности ее руководства и всего офицерского состава. Для Гитлера это явилось решающим аргументом нападения на СССР. Ликвидация офицерского состава советской армии, самой большой в мире по численности, превратила ее в неуправляемое стадо, в ней процветали пьянство и воровство. Поток офицерских доносов друг на друга парализовали всякую инициативу, заставило их покорно ожидать, кто следующий исчезнет в недрах НКВД.

«Не допустить провокаций»

Самое страшное, что сначала дураки аплодируют умному, а потом умные — дураку

Одна из загадок сталинской психологии состоит в том, что, не веря никому из своих послушных идеологических соратников, друзей, прошедших с ним ссылки, революцию, гражданскую войну, он на какое-то время поверил Гитлеру. Сталин считал, что «если Гитлера не спровоцировать, он не нападет». Он категорически запретил предпринимать какие-либо меры для отражения нападения немцев.

Подхалимствующее окружение убедило Сталина в его гениальности, прозорливости, умственном превосходстве над Гитлером. Есть вполне обоснованные предположения (И. Бунич, В. Суворов), что Сталин запланировал войну с немцами после обескровливания немецких войск в войне с Англией, после наращивания военного потенциала СССР в результате следующей сталинской пятилетки, то есть после 1942 года.

Запуганные репрессиями руководители армии и страны смертельно боялись не то что возражать Сталину, но и даже высказаться невпопад — это было слишком опасно. Хорошо понимая ситуацию, руководитель разведки СССР генерал Голиков, докладывая Сталину потоком поступающие сообщения разведчиков, шпионов, перебежчиков о подготовке немцев к войне, о назначении Гитлером конкретных сроков начала войны с СССР в мае-июне 1941, сам сопровождал их комментариями о «провокационном и дезинформационном характере». Когда за несколько дней до начала войны командующий войсками Прибалтийского военного округа приказал привести в боевую готовность системы противовоздушной обороны, Жуков отменил этот приказ: *«так как действия подобного рода наносят ущерб промышленности, вызывают различные толки и нервируют общественность»*.

Симпатия к фюреру немецкого народа возникла у Сталина, очевидно, сначала из общности идеи и методов ее воплощения. Нет нужды сравнивать их по направленности — оба они были претендентами на мировое господство, хотя один — на основе националистической, другой — политической идеологии. Совпадали и методы: концлагеря, чистки, пропаганда исключительности и гениальности вождя, диктатура, единоначалие и т. д.

В качестве второй психологической причины можно указать на раболепное, безгласное подчинение Сталину партийного и государственного аппарата, не смеющего заикнуться, хотя бы в интересах здравого смысла, о необходимости позаботиться о безопасности страны. Каждый опасался, что возражение не совпадет с мнением вождя, а это — арест и смерть. Избалованный раболепием, Сталин настолько привык выдавать желаемое за действительное, что забыл, что Гитлер — из другой партии. Уверенный в теоретически предсказанной поддержке мирового пролетариата, Сталин готовил агрессию против Германии там и тогда, когда он сам захочет: «малой кровью, на чужой территории».

В результате извращенная раболепием система управления страной, разведкой и армией не поверила ни сотням разведывательных донесений, пришедшим с разных концов Земли, ни предупреждениям врагов Гитлера (Черчилль), ни здравому смыслу, ни очевидным приготовлениям и передислокациям немецкой армии. Когда война все-таки разразилась, Сталин еще долго твердил о «внезапности нападения», нарушении договора о ненападении, отсутствии формального «объявления войны», как будто хотел на самого Гитлера переложить вину за страшную для России цену, заплаченную за дурацкое самомнение «гениального полководца всех времен и народов».

Судя по дневниковым записям Гальдера, Гитлер постоянно менял время и направление предполагаемой летней кампании. В конце июля 1940 г. он отдает Йодлю распоряжение начать подготовку к походу против СССР осенью того же года. Потом поход на СССР откладывается на весну 1941 г. Действия должны были

развиваться так: сначала — марш-бросок в Россию, затем — десант в Англию. В ноябре 1940 г. Гальдер записывает: *«Гитлер вновь проявляет интерес к операции "Морской лев"»*, то есть к планам десанта в Англию. Пятого декабря — *«главное внимание к "плану Отто"»* (так сначала именовался план Барбаросса). 13 декабря — *«войны с Россией не будет»*. 18 декабря — *«принять меры к детализации "плана Барбаросса", войны с Англией не будет»*. Эта чехарда не прекращается вплоть до 22 июня.

На основании сведений, которыми, вероятно, обладал Сталин, у него могло сложиться определенное впечатление о типичном поведении Гитлера перед началом ответственной военной операции: назначение точного срока, перенос его в последнюю минуту, потом перенос, еще перенос, а затем либо решение о старте, принятое за несколько часов до начала кампании, либо отсрочка военных действий на неопределенное время. К 22 июня советское руководство, вероятно, уже знало о первом сроке нападения — 15 мая, от которого Гитлер отказался. Возможно, Сталин надеялся, что Гитлер будет опять и опять переносить срок нападения. Для того чтобы разобраться, почему нападение Германии 22 июня все-таки состоялось, и кто проявил вероломство до и после этой роковой даты, надо принять во внимание события, которые происходили за пределами СССР задолго до 1941 года.

Объективно говоря, у Сталина были основания не верить предупреждениям, приходящим с Запада, в особенности — информации Черчилля, предупредившего Сталина о начале гитлеровского нападения 15 мая 1941 года. Более того, не состоявшееся 15 мая нападение уверило Сталина, что Гитлер повернет на Запад, несмотря на очевидное сосредоточение армий на Востоке.

Но были десятки донесений, в том числе сообщения Рихарда Зорге, жизнью заплатившего за эту информацию. Хотя в действительности Штирлиц в гестапо не работал, но в информационном отделе МИД Германии работала советская разведчица Ильзе Штёбе («Альта»), которая сообщила советскому военному атташе в Берлине, полковнику Н. Д. Скорнякову («Метеор») еще 29 декабря 1940 г. о секретном приказе Гитлера начать операцию против СССР весной 1941 г. Сведения, полученные 28 февраля 1941 года от бывшего первого секретаря германского посольства в Варшаве Рудольфа фон Шелиа («Ариец»), гласили:

«Сформированы 3 армии под командованием Бока, Рунштедта и Риттера фон Лееба. Группа «Кенигсберг» должна наступать в направлении Петербург, группа «Варшава» — в направлении Москва, группа «Позен» на Киев. Предполагаемая дата начала операции 20 мая. Запланирован охватывающий удар в районе Пинска силами 120 дивизий. Говорящие по-русски офицеры и унтер-офицеры распределены по штабам. Строятся бронепоезда с такой же шириной колеи, как в России».

«Ариец» и выданная им под пытками «Альта» арестованы в сентябре 1942. «Альта» не выдала никого и казнена. Добытые ими сведения не использованы. Это были остатки советской разведки. Большую ее часть разрушили репрессии 30-х годов. Убийство ее лучших представителей подорвало веру в справедливость и необходимость работы, выполнявшейся разведчиками. Что может быть страшнее предательства для разведчиков, а их многократно предавал центральный аппарат, сам постоянно предаваемый.

Ни Сталин, ни германские генералы не знали, что планы нападения на Англию, разрабатывавшиеся в немецких штабах, Гитлер не собирался осуществлять, так как

они коренным образом противоречили основным идеологическим установкам «третьего рейха». Книга «Майн Кампф» («Моя борьба»), написанная Гитлером в тюрьме при активном сотрудничестве с сокамерником Рудольфом Гессом, содержала не только план экспансии на Восток, но и проповедь союза «нордических народов» Германии, Великобритании и США. Хотя идея реванша, взятая на вооружение нацистами, предполагала военный разгром Франции и восстановление западных границ Германии по состоянию на 1913 г., но главным для Гитлера было движение на Восток.

Эти идеи полностью соответствовали целям правящих кругов Великобритании, сформулированным еще в ту пору, когда Гитлер служил ефрейтором в рядах кайзеровской армии. О своем желании изолировать Россию от Европы откровенно заявляли в правительственных кабинетах западных держав. Еще в 1918 г., когда англичане шумно праздновали победу в мировой войне, военно-морской министр У. Черчилль уже планировал поход на Россию. Позднее он признается: *«С одной стороны, я боялся за будущее, с другой — я хотел помочь разбитому врагу. Покорить Россию... мы можем лишь с помощью Германии. Германию нужно пригласить помочь нам в освобождении России»*. Хотя на словах Лондон осуждал нацистский строй и действия германского правительства, английская дипломатия, начиная с прихода Гитлера к власти, полностью отвечала задачам, сформулированным Черчиллем в 1918 г. Лондон неоднократно вынуждал Париж уступать Германии, несмотря на вопиющие нарушения Гитлером Версальского договора. Мюнхенское соглашение не только знаменовало очередное отступление западных «демократий» перед Гитлером, но и отвечало планам Лондона, стремившегося направить экспансию Гитлера на Восток. Лицемерная игра Лондона имела целью использовать Германию для «наведения порядка» в России.

Позже Черчилль признавал, что ни один период войны не принес ему столько волнений, как первая половина 1941 года. Ведя лицемерную игру, Черчилль вовсе не был заинтересован в том, чтобы открыто подписать с Гитлером пакт о разделе мира между «нордическими» народами. Он не возражал против того, что Гитлер поверил в его игру, и считал его, идеолога германской экспансии против России, своим лютым недругом. Заявляя всему миру о своем отвращении к нацизму и готовности сражаться против Гитлера до конца, Черчилль делает все от него зависящее, чтобы направить Германию на Восток.

Недоверчиво воспринимал Сталин информацию западных правительств о подготовке Германии к нападению на Советский Союз. Чтобы скрыть подготовку к войне с Россией, немецкий генштаб осуществил многочисленные акции по распространению ложных слухов и сведений. Генерал Голиков, глава военной разведки, представляя Сталину отчеты о сосредоточении немецких войск на границе, обычно выражал мнение, что такая информация могла исходить от английской или даже, может быть, германской разведслужб. Советская разведка имела точные сведения о каждой прибывающей на Восток немецкой дивизии. Тем не менее, Сталин не допускал мысли, что немцы рискнут начать войну против огромной советской армии, не закончив войны на Западе, на Балканах и в Африке. Сталин думал, что немцы везут войска на Восток для защиты своих границ, боясь наступления Красной Армии.

Теперь известно, что Сталин собирался сам атаковать Германию раньше, чем она закончит войну на Западе. Пока немецкие дивизии были брошены на Францию и Англию, а на восточном фронте оставалось всего семь немецких дивизий, Сталин не решился атаковать немцев, хотя ему это советовали генералы — он мог взять Берлин за 2—3 недели. Но советская армия была разгромлена самим Сталиным. Поэтому в марте 1941 года было решено, что, возможно, в конце сентября 1941 года, после уборки урожая Красная Армия должна атаковать Германию. В приграничной полосе собрали огромные вооруженные силы: больше 200 стрелковых и танковых дивизий, 12 тысяч танков и 8 тысяч самолетов. Армия была стратегически нацелена на наступление, что подтверждается военной доктриной с лозунгом «малой кровью, на чужой земле», созданием десятков корпусов воздушно-десантных войск, пропагандистской работой в тылу и в армии, дислокацией танков и самолетов у самой границы (что и послужило причиной разгрома Красной Армии в первые дни войны). Немцы имели всего три тысячи танков и около пяти тысяч самолетов. Однако Сталин считал, что он сам определяет начало войны. Поэтому боевая готовность советских самолетов была нулевой. Части не имели боеприпасов и горючего. Тыл не был организован; отсутствовали армейские склады, госпитали, связь, обеспеченность транспортом составляла лишь 10-15%. Не было штабов армий и фронта; только штабы корпусов и дивизий. Чтобы организовать тыл и привести армию в боевую готовность, страна нуждалась хотя бы в двух неделях мирного времени. Немцы не дали на это и двух часов.

За восемь дней до начала войны в ответ на донесения разведчиков, сообщения друзей и очевидные широкомасштабные приготовления немецкой армии на трех тысячах километров границы ТАСС опубликовало во всех газетах сообщение:

«По данным СССР, Германия так же неуклонно соблюдает условия Советско-Германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР, лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям...»

Немцы даже не прореагировали на эту испуганную просьбу ТАСС поддержать уверенность Сталина в прочности пакта о ненападении. Но Красная Армия продолжала безмятежно делать вид, что ничего не происходит. Большая часть танков и самолетов стояли не заправленными горючим, патроны и снаряды не были выданы, на воскресенье назначили спортивные соревнования в пограничных частях. За четыре года войны армия не понесла таких потерь в командном составе, как за четыре года предвоенной сталинской чистки: арестовано, расстреляно и посажено в тюрьмы 43 тысячи генералов и высших офицеров.

Вечером 21 июня Жукову позвонили из Киева и доложили, что к пограничникам явился немецкий перебежчик — фельдфебель, сообщивший, что немецкие войска начнут наступление утром 22 июня. Жуков сразу же позвонил Сталину и Тимошенко. Сталин вызвал их в Кремль. Он внимательно выслушал доклад Жукова.

— А не подбросили ли нам немецкие генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт? — спросил он.

— Нет, мы думаем, что перебежчик говорит правду.

Тем временем в кабинет Сталина вошли члены Политбюро. Сталин проинформировал их и спросил, что они думают. Ответа не последовало. Тогда Тимошенко представил проект директивы о приведении приграничных округов в полную боеготовность. Сталин, сделав некоторые поправки, передал директиву наркому для подписи. Передачу директивы в округа закончили в 00.30 минут 22 июня 1941 года.

А в четыре часа утра началась война.